

В. А. МАТВЕЕНКО

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

Лингвистическому анализу новгородских берестяных грамот посвящен в настоящее время ряд статей и исследований¹. В коллективной монографии, выпущенной в 1955 г. Институтом языкознания АН СССР², детально исследованы палеографические и языковые черты 9 грамот из раскопок 1951 г. и 15 — из раскопок 1952 г. В настоящее время уже полностью опубличованы находки 1952 г. (всего 73 грамоты) и часть грамот из раскопок 1953 и 1954 гг. (всего 12 грамот)³.

В предлагаемых заметках рассматриваются некоторые палеографические и лингвистические черты грамот последних публикаций, не вошедших в число исследованных в упомянутом сборнике. Вновь опубликованные грамоты, как и прежде, представляют собой документы частного характера: хозяйственные распоряжения, записи долгов, письма. Прочтение и перевод грамот в подавляющем большинстве случаев не вызывает больших затруднений. Среди этих грамот, как и среди прежних, нет ни одной датированной; мы располагаем только датировкой, установленной А. В. Арциховским на основе данных археологии. По стратиграфическим данным исследуемые нами грамоты распределяются следующим образом: XV—XVI вв. — №№ 11, 12; XV в. — №№ 98 (начало XV в.), 14, 15, 16, 18, 19; 97 (вторая половина XV в.); рубеж XIV—XV вв. — №№ 22, 29, 125; XIV в. — №№ 134 (начало XIV в.); 30, 31, 32, 33, 37, 42, 44, 45, 50, 66, 92 и 94 (вторая половина XIV в.); рубеж XIII—XIV вв. — №№ 47, 57, 58, 59; XIII в. — №№ 51, 52, 55, 61, 62, 65, 67, 68, 70, 71, 72; рубеж XII—XIII вв. — № 73; XII в. — №№ 75, 76, 77, 79, 80, 82; рубеж XI—XII вв. — № 105; XI в. — №№ 109, 119. Грамоты №№ 135 и 136 найдены не при раскопках, их даты установлены А. В. Арциховским палеографически: первая — XV в., вторая — XIV в.⁴

Палеографические черты названных грамот в основном описаны при их публикации, вопросам палеографии грамот посвящен также самостоятельный раздел в коллективной монографии, написанный Л. П. Жуковской; однако детальное изучение палеографии берестяных грамот является еще задачей будущего. Стратиграфическая датировка ввиду возможного в отдельных случаях сноса грамот из более верхних слоев в более нижние нуждается в подтверждении данными палеографии и истории языка. Поэтому исключительно важно тщательно изучать палеографическую и лингвистическую сторону грамот.

Начертания букв в берестяных грамотах в основном совпадают с начертаниями, известными нам по памятникам, написанным чернилами на пергамене. Это в какой-то мере может свидетельствовать о синхронности того и другого типа письма и позволяет нам использовать в некоторой степени данные памятников, написанных на пергамене, при датировке берестяных грамот. Так, черты раннего устава: геометричность форм, симметричность частей букв, небольшое число надстрочных знаков — прослеживаются и в берестяных грамотах, стратиграфически датированных XI—XII веками (грамоты №№ 109, 119, 105, 82 и 75). Переход к позднему уставу и полууставу —

¹ В. И. Борковский, Драгоценные памятники древнерусской письменности, ВЯ, 1952, № 3; Ф. Ф. Кузьмин, Новгородская берестяная грамота № 9, там же; В. И. Борковский, Новые находки берестяных грамот, ВЯ, 1953, № 4; В. К. Чичагов, Филологические заметки, ВЯ, 1954, № 3; М. В. Щепкина [Рец. на кн.:] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров, Новгородские грамоты на бересте, ВИ, 1954, № 4.

² «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», М., 1955 (в дальнейшем даем просто — коллективная монография).

³ См. А. В. Арциховский, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), М., 1953; е го же, Раскопки 1953 года в Новгороде, ВИ, 1954, № 3; е го же, Раскопки 1954 года в Новгороде, ВИ, 1955, № 2.

⁴ Нумерация грамот дается А. В. Арциховским в порядке их нахождения.

XIII—XV вв. — отмечен и в берестяных грамотах теми же чертами, что и в памятниках на пергамене. В позднем уставе (XIV—XV вв.) в пергаменных памятниках изменяется начертание букв и, и, ю, ю, ю; перекладина у и становится косой, у и — прямой, или изменяется только буква и, а и сохраняют архаический вид; поднимаются перекладины букв ю, ю, ю. Эти изменения отражают и исследуемые нами берестяные грамоты №№ 12, 14, 19, 18, 42, 94, 92. Как в пергаменных, так и в берестяных памятниках указанного времени, однако, возможны и архаические и, и. (См. грамоты №№ 136, 134, 11, 22, где сохраняются эти написания; например, в грамоте № 11, стратиграфически относимой к XV—XVI вв., наряду с бесспорными палеографическими показателями XV в. — вязь, манерное ю, явно полууставное ю, наличие тенденции к курсивному письму, — находим также и, и, характерные для более ранних эпох.)

Отражены в грамотах и особенности письма, характерные для полуустава. Типичное для последнего начертание буквы ю (с верхней петлей, продолженной до самого низа мачты или превращенной в линию, параллельную мачте) находим в грамотах №№ 42, 31, 18, 15, 14, 94, 98, 136, 135, 125. Свойственная полууставу некоторая манерность в начертании букв имеет место и в берестяных грамотах. Интересна, например, эволюция начертания буквы ю; как и раньше ю, буква пишется в два приема: черта слева — в уровень строки с наклоном вправо, черта справа — с хвостиком, выходящим за строку. Написание правой части может варьироваться: это или излом (ср., например, начертание ю в грамоте № 42, где излом не соприкасается с левой частью, или плавный загиб хвостика, как в грамотах №№ 125, 22). Л. П. Жуковская отмечает следующее написание буквы ю в грамотах №№ 17, 27: «Буква ю пишется своеобразно и напоминает современную букву „к“ без нижней половины ее мачты. Писалась она в два-три приема. Сначала проводилась перпендикулярно к строке левая часть буквы — прямая мачта. К нижней точке мачты справа, под углом 45—60°, проводилась линия, образующая правую часть буквы ю. Сверху справа она начиналась небольшим крючком. Из нижней части мачты с поворотом «пера» вправо и последующим изгибом вниз писался довольно длинный крючок, занимающий все межстрочное пространство... Такое ю отмечено в Требнике Шереметева XIV в. Оно встречается еще в берестяной грамоте № 27 (из числа рассматриваемых нами)»¹. К типу, отмеченному Л. П. Жуковской, относится буква ю в грамоте № 94. Следует добавить также, что сходное написание буквы ю мы нашли в Московском евангелии 1339 г.²

Полууставное ж, у которого верхняя дуга превращена в прямую линию, не пересекающую мачту по середине или выше, а как бы накрывающую мачту сверху, находим в грамоте № 42. Впрочем эта грамота по содержанию и стилю (духовное завешание) резко отлична от остальных, содержит несколько церковных штампов; возможно, что и начертанием букв она в большей степени, чем другие грамоты, обязана влиянию церковной письменности. Связь письма на пергамене и письма на бересте можно проследить и наблюдая общую эволюцию обозначения звука у в берестяных грамотах. В ранних грамотах (№№ 119, 105; по стратиграфическим данным — XI в.) находим, как и в пергаменных памятниках, только написание ю (примеры с ю имеются лишь после согласных). В грамоте XIII в. № 68 и в грамотах XIV в. №№ 92, 94, 136 соблюдается правило, известное и по пергаменным памятникам: написание ю в начале слога, написание ю после согласных, например: гю, юму юудсвртиса — № 94; ю петра (начало строки), на зюке, на стюковичь — № 92; с ю джюквяду, трюфаню, г ю седеду, д ю, г ю кун/вици, вудь меду, лну, юсүповь (в начале строки), врань ю ювици — № 136.

В XIV—XV вв. двухбуквенное сочетание ю для передачи ю употребляется все реже и реже, заменяясь посредством ю также и в начале слога. Это явление отражено и в берестяных грамотах №№ 19, 37, 31, 30, 22, 14, 98, 97, 134, 135, 125. Ср., например, от/юд, юд, старому, судью, сүхки, юсть ю мни (в начале строки) в грамоте № 19.

Грамота № 20 отражает переходный этап, когда единое обозначение ю еще не установилось. Здесь в начале слога находим и ю, и ю: ю джюковь (в начале строки), а на ю шамки. В трех берестяных грамотах (№ 55 — XIII — XIV вв.; №№ 59, 62 — XIII в.) отмечено употребление лигатуры s (юк), что в пергаменной письменности этого времени является большой редкостью. Интересно написание токарs в грамоте № 44 — с ю в первой части и лигатурой во второй. Это может свидетельствовать о том, что знак s не являлся для пишущего лигатурой; он не знал его значения, вследствие чего и считал возможным употребить в качестве второго элемента в двухбуквенном сочетании. Однако не все начертания букв в берестяных грамотах сходны с начертаниями пергаменных памятников, известными до сих пор по данным палеографии. Палеография как наука сложилась на основании обобщения того материала, который дают памятники, написанные чернилами на перга-

¹ См. Коллективная монография, стр. 35.

² См. А. П. Соболевский, Славяно-русская палеография, СПб., 1908, 2-е изд., стр. 2.

мене. Понятно, что совершенно иной материал, иное орудие письма (предположительно костяная палочка) не могли не отразиться на характере начертания букв, а также на системе их употребления. Даже предварительное исследование палеографической стороны показывает, что берестяные грамоты представляют собой особый, самостоятельный тип письма, со своими специфическими особенностями. Отличия берестяных грамот в отношении их палеографии сравнительно с рукописями на пергамене можно в общем разбить на три группы.

К первой группе относятся особые случаи употребления того или иного знака в берестяных грамотах, иногда связанные также с отсутствием эволюции знака, известной по пергаменной письменности тех же эпох. Так, буква *ы* пишется преимущественно в берестяных грамотах с *ъ* в левой части, *ѣ* десятиричным в правой и с соединением обеих частей поперечной перекладиной (см. грамоты разных веков: №№ 109, 82, 72, 68, 65, 61, 57, 45, 33, 32, 30, 136, 135); меньше грамот, где *ы* написано без поперечной перекладины (№№ 71, 59, 42). В грамоте № 15 (XV в.) находим пока что единственный для берестяных грамот случай написания *ы* с *ъ* в левой части, без поперечной перекладины. В грамоте № 68 находим написание *ы*, в котором как будто можно усмотреть *ъ* в левой части, что, однако, весьма спорно, так как по верхней части букв второй строки проходит трещина на бересте, в двух же остальных случаях в этой грамоте буква *ы* написана с *ъ* в левой части. Известно, что *ы*, состоящее из *ъ* и *ѣ* десятиричного, появляется в русской пергаменной письменности с XIV—XV вв., в связи с так называемым вторым южнославянским влиянием, и вытесняет постепенно *ы*, хотя последнее в течение значительного времени еще продолжает употребляться наряду с *ы*. Почти полное отсутствие в берестяных грамотах, найденных до сих пор, буквы *ы* с *ъ* в левой части может служить одним из доказательств того, что в этом новом для науки типе письма второе южнославянское влияние отразилось очень слабо.

В берестяных грамотах не соблюдается известное правило о передаче на письме сочетания *je* в начале слога. В пергаменной письменности до XIV в., как правило, последовательно держится употребление *ѣ* в этом положении; случаи пропуска его редки и связаны чаще всего с экономией места. В дальнейшем, в XIV в., *ѣ* замещается в пергаменных памятниках посредством *е* особого написания: или *е* широким, или так называемым *ы* якорным. Наоборот, в берестяных грамотах до XIV в. отсутствие знака йотации при передаче сочетания *je* вполне обычно. В грамоте № 109 во всех имеющихся четырех случаях находим *е*, а не *ѣ* в начале слога. В грамоте № 119 — один пример с *е* при отсутствии других примеров. Напомним, что и в грамоте № 9 (из раскопок 1951 г.; стратиграфически — XI в.) в двух имеющихся случаях находим различное написание: *дѣди*, *васнаѣи*, причем буква *ѣ* в последнем случае имеет очень небольшую мачту, что, по наблюдению Л. П. Жуковской, не отмечено в пергаменной письменности¹. Такие же отношения представлены и в грамоте № 105 (рубжи XI—XII вв.): ср. написания *ѣси*, *ѣси* с очень небольшой, мачтой у *ѣ* в последнем случае; *е* вместо *ѣ* находим также в грамотах №№ 82, 68, 67, 61 (XII—XIII вв.) и в одной грамоте XIV в. — № 50. Возможно, что преимущественное употребление буквы *е*, а не *ѣ* при передаче *je* в берестяных грамотах XI—XIII вв. является следствием того, что писцы не вполне владели принятой графикой. Но окончательный вывод может быть сделан лишь после детального изучения графической системы по данным большего количества грамот. Возможно, что мы и имеем здесь дело с отличиями более закономерного характера. Важно, что во всех ранних грамотах (а их вообще пока найдено небольшое число) *ѣ* отсутствует, а в более поздних мы находим как обычное *е*, так и *ѣ* (причем чаще *ѣ*, чем *е*). Можно считать, таким образом, что в берестяных грамотах, найденных до сих пор, не отразилась эволюция в передаче *je*, которая в пергаменных памятниках выразилась в появлении *е* широкого, *ы* якорного или каких-либо иных букв, отличных от *е* после согласных. Внешне сходная с якорным буква *е* в грамотах №№ 18, 14, 15 употребляется в них при передаче *ѣ* после согласных.

В памятниках пергаменного письма с самого раннего времени установилось правило: обозначение *а* после мягких согласных посредством *ѡ*, а сочетания *ja* — посредством *и*. Это правило имеет место уже в Остромировом евангелии. Берестяные грамоты характеризуются отсутствием такого разграничения: *ja* и *ja* одинаково передаются посредством *ѡ* с небольшими вариациями в его написании. Имеется лишь несколько случаев с *и*: *итыа* — № 37 (грамота не поддается разделению на слова; возможно, *итъа* = *я*); *мыа* — № 12; *ѡыа* — № 30; *а кыи* *мыъ* *даа* — № 125). В середине слов после гласных *и* встретилось лишь в двух случаях: *на ѡице*

¹ «Подобное написание буквы *ѣ* не отмечено в других памятниках: ни в указанной выше работе Я. И. Трусевича, ни в учебнике В. Н. Щенкина, ни в „Славянской кирилловской палеографии“ Е. Ф. Карского (Л., 1928), ни в „Русской палеографии“ Н. А. Шляпкина» (Коллективная монография, стр. 54).

— № 92; *взвзль* — № 109 (в последнем случае находим даже *л*, а не *ш*, и не после *й*, но после мягкого согласного *з*).

Вторая группа палеографических отличий берестяных грамот от пергаменных рукописей — это отличия в манере начертания самих букв. В силу специфики письма на бересте начертания всех букв являются несколько измененными, но далеко не все эти отличия можно считать существенными с палеографической точки зрения. Однако начертания некоторых из букв представляют интерес.

В ранее опубликованных берестяных грамотах было отмечено начертание буквы *д*, неизвестное в пергаменных памятниках: сплюснутый с боков овал, не всегда замыкающийся в своей нижней части. Такое *д* имеют и рассматриваемые нами грамоты XIII — начала XV в.: №№ 70, 58, 50, 98, 94, 92, 134, 136 и грамота XII в. № 82; несколько сходное с ним *д* имеется в грамоте № 42.

Во многих берестяных грамотах мы находим совершенно новый, неизвестный по пергаменным памятникам тип буквы *д*: большой треугольник, к основанию которого снизу приписаны два маленьких треугольника. Л. П. Жуковская отметила такое *д* в №№ 78, 69, 43, 25, 8, 2, 1 (XIII—XV вв.). Характерно оно и для грамот дальнейших публикаций разного времени, начиная от самых ранних — XI в. — до грамот XV в., а из числа исследуемых нами — для №№ 47, 50, 55, 58, 61, 65, 75, 98, 119 и др. В грамоте № 50 такое *д* встречается четырнадцать раз, в № 55 — четыре раза, в № 58 несколько начертаний, одно — с небольшими треугольниками; в двух случаях треугольники не окованы, в остальных находим *д* просто со штрихами; в №№ 61, 68, 59, 82 находим *д* и с треугольниками, и со штрихами. В некоторых грамотах нижние треугольники явились, по видимому, результатом продолжения сторон большого треугольника и пересечения их с боковыми штрихами. Кое-где нижние треугольники не дописаны, что объясняется, вероятно, трудностью самого процесса письма на бересте (процарапывание). В некоторых грамотах (№№ 119, 94) нижние треугольники выписывались, как видно, отдельно; стороны их не являются продолжением сторон большого треугольника. Л. П. Жуковская и др. предполагают, что такой тип буквы *д* является отголоском глаголической письменности¹.

Третья группа палеографических особенностей представлена некоторыми общими принципами письма, такими, как оформление строки и сигнальной линии, угол наклона букв, пропорциональность частей букв, характер их сочленения. В этом отношении берестяные грамоты резко отличаются от пергаменной письменности, но эти отличия не представляют собой собственно палеографических примет, т. е. не закреплены как норма, не общеобязательны, не постоянны (насколько об этом можно судить по имеющимся опубликованным грамотам).

Береста не разноровалась предварительно, поэтому линии строк не выдерживались, строки идут вкривь и вкось, в связи с чем в берестяных грамотах часто отсутствует очень важная палеографическая особенность: написание букв или полностью, или не полностью в строке. Например, в грамоте № 119 полностью в строке написаны не только буквы *к*, *ц* (палеографическая примета начала XI в.), но и *у*, а также *д*, что для пергаменных памятников совершенно не характерно. В грамоте № 105 полностью в строке написаны буквы *к*, *у*; даже предлог *ѿ* с вынесенным наверх *т* полностью помещается в строке. В некоторых грамотах (№№ 134, 98 и др.) заметна тенденция писать в строке все буквы, в том числе *д*, *к*, *р*, *у*, *ѿ*. Вниз за линию строки в грамоте № 134 выходит только хвост букв *з* и *р*. Буква *к* в пергаменной письменности имеет высокую, выше верхней линии строки мачту уже в XI в. В берестяных же грамотах №№ 73, 134, 14, 136, 125, 97, 98 находим *к* с мачтой, полностью или почти полностью помещенной в строке. Все без исключения берестяные грамоты отличаются четким сочленением частей букв, что зависит от материала и орудия письма и становится уже своеобразной палеографической приметой.

*

Как видим, ряд палеографических особенностей берестяных грамот нуждается в детальном изучении, для того чтобы исследуемый материал стал ценной составной частью русской палеографии.

Берестяные грамоты представляют также большую ценность при изучении исторической фонетики русского языка. Живой, безыскусственный характер отраженной в них речи, свободной от языковых штампов, значительно облегчает анализ материала с целью выявления черт произношения. В этом преимущество рассматриваемых грамот перед многими памятниками, написанными на пергамене. Однако существенны и трудности, возникающие при изучении этого нового типа письменности, поскольку датировка данных памятников остается в ряде случаев приблизительной, общие принципы графической системы еще не изучены, языковой материал, представленный каждой отдельной грамотой, невелик по объему. Кроме того, письмо многих грамот является фактически малограмотным; в подобных грамотах написания нередко не соответствуют ни нормам произношения, ни нормам графики. Расчленив простые

¹ См. Коллективная монография, стр. 74.

описки и случаи более или менее регулярных отклонений от принятых норм графики в таком письме часто не представляется возможным.

При рассмотрении отдельных фонетических явлений представляется целесообразным особо выделить грамоту № 109, в многих отношениях весьма характерную, в которой представлены и преимущества берестяных грамот, и серьезные трудности их лингвистического изучения. Стратиграфически, по мнению А. В. Арциховского, это самая ранняя грамота из числа новгородских находок: «Грамота № 109 обнаружена в двадцать первом строительном ярусе и, следовательно, попала в землю не позже середины XI века. Она на три яруса старше найденной в 1951 году грамоты Гостыты...»¹. Первоначальное ознакомление с грамотой указывает, казалось бы, на ряд существенных несоответствий норм письма XI в., которые, будучи сосредоточены в небольшом по объему тексте, возбуждают даже сомнение в том, можно ли относить данную грамоту к XI в. и тем самым соглашаться с ее предлагаемой датировкой².

Прежде чем перейти к анализу фактов, возбуждающих сомнение в датировке грамоты, отметим несколько моментов, связанных с ее прочтением А. В. Арциховским и с пониманием им некоторых форм. Тщательное изучение подлинника грамоты № 109 привело нас к предположению о том, что в слове *пльскеве* после *а* следует читать *ъ*, а не *к*, как читает А. В. Арциховский. В грамоте однородны все начертания буквы *ъ*, — как употребленной самостоятельно, так и в качестве составной части буквы *и*. Все начертания имеют слева у поперечной перекладки ограничительный штрих, наклоненный к мате, иногда даже выходящий вверх, что неизбежно при письме процарапыванием; поперечная перекладка буквы *ъ* во всех случаях заходит за матчу вправо, однако последняя не возвышается по отношению к поперечной перекладке, а лишь касается ее своей верхней точкой. Такое же написание *ъ* имеем и в слове *пльскеве*. Сходство с буквой *к*, созданное тем, что поперечная перекладка заходит за матчу вправо, рассеивается, когда мы видим в оригинале отсутствие возвышения матчи над перекладкой и имеем возможность установить тождество начертания *ъ* во всех случаях.

Кроме того, следует иметь в виду, что грамота № 109 по-видимому имеет *е* на месте этимологического *е* во всех встретившихся словах: *к микудѣ*, *пльскеве*, *тѣхъ* (возможно, в *кѣн*; см. ниже) при отсутствии обратной мены, т. е. употребления *к* вместо *е* или *и*. Случай подобного употребления в слове *пльскеве* при его прочтении с *к* (*пльскеве*) был бы, таким образом, в грамоте единственным в своем роде.

Важное значение для последующего анализа грамоты имеет толкование слова *кѣн*. Поскольку в тексте нет других примеров замены *ъ* на *е*, а на месте этимологического *ъ* везде находим *е*, — допустимо считать *кѣн* формой вин. падежа мн. числа с *е* вместо *к*, а не вин. падежа ед. числа с *е* вместо *к*. Та и другая трактовка формы одинаково проблематична, но вторая лучше согласуется с теми соотношениями в употреблении букв *к* и *е*, которые находим в данной грамоте. Однако даже если настаивать на том, что форма *кѣн* — вин. падеж ед. числа, то также можно видеть в появлении *е* факт морфологического происхождения (влияние звательной формы), на что указывал в свое время А. И. Соболевский³, а не замену *ъ* на *е*, связанную с фонетическими процессами.

Требует особых замечаний и написание союза *атчѣ*. По памятникам этот союз известен в виде *ачѣ*, *аште* (старославянская форма) и *ачѣ* (русская форма); известен также союз *атк*, однако союза, имеющего написание типа *аткѣ* или *атчѣ*, по памятникам не отмечено. Поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что в грамоте № 109 мы имеем дело не с воображаемым союзом *атчѣ*, по отношению к которому можно было бы ставить вопрос о пропуске *к* или *ъ*, но с известным союзом *ачѣ*, а написание *тч* — лишь способ (правда, несколько необычный) передачи писмом звука *ч*. Приводим текст грамоты полностью с предлагаемой поправкой в передаче слова *пльскеве*:

грамота *итѣ* живнѣмира *къ* микудѣ *коупнѣ* *еи*. *рекоу| пльскеве а нынѣ ма| въ томѣ*
ма *къ* *кѣнѣ* *и нынѣ са др ѹ* *жнѣ* *по ма* *перѣчнѣ* *а нынѣ ка* *пескѣ* *ли къ* *томуѣ*.
мужѣ *и*. грамотоу: *анѣ* *у* *его* *река* *а се* *ти* *чѣ* *чѣ* *у*: *кѣн* *коупнѣ* *и къ* *кѣнѣ* *мужѣ*
къ *седнѣ* *та* *на* *сѣ* *ведѣ* *а ты* *атчѣ* *еи* *не* *въ* *ка* *коупнѣ* *тѣхъ* *а* *не* *ема* *ничѣ* *тоже* *оу*
ниѣ.

В области употребления редуцированных *ъ* и *ь* внимание исследователя прежде всего привлекает отсутствие в грамоте буквы *ь*. Во всех соответствующих случаях вместо *ь* находим *ъ*: *кѣнѣ*, *мужѣ*, *ничѣ*, *е*, *томѣ*, *пльскеве*. Подчеркнем, однако, что

¹ А. В. Арциховский, Раскопки 1954 года в Новгороде, стр. 62.

² Учитывая противоречия языковых данных, археологи предприняли дополнительную проверку стратиграфической датировки грамоты, что подтвердило прежний вывод.

³ См. А. [И.] Соболевский, Исследования в области русской грамматики, Варшава, 1881, стр. 40 и сл.

наряду с постоянной заменой *к* на *ъ* в изучаемой грамоте представлено последовательное сохранение редуцированных в слабой позиции (примеров на сильные редуцированные в грамоте нет). Регулярное употребление буквы, указывающей на редуцированный гласный (в нашей грамоте всегда *ъ*), находим в исходе предлогов и знаменательных слов, в приставках и даже в первом предударном слоге в корнях таких слов, как *къважъ*, *къважыи*, в которых употребление *ъ* является редкостью уже в XI в. (ср. в надписи на Тьмутарканском камне 1068 г.: *къважъ* без *ъ*). Тот факт, что слабые редуцированные переданы в нашей грамоте только при помощи *ъ*, даже и в тех случаях, когда следует ожидать употребления буквы *к*, сам по себе не является чем-то исключительным, так как замены *к* на *ъ*, встретившиеся в нашей грамоте, известны в древнерусских памятниках XI в. именно в аналогичных случаях. Лишь благодаря небольшому объему грамоты встретившиеся нить случаев привлекают к себе особое внимание. Напомним, что *къ* вместо *к* в отдельных случаях встречаем в форме твор. падежа ед. числа в Изборнике 1073 г., в Новгородских Минеех 1095—1097 гг., хотя фонетическое отвердение *к* могло происходить лишь после падения редуцированных и массовое опущение *к* и замена его на *ъ* имеет место только начиная с XIII—XIV вв.

В употреблении *ъ* после шипящих также едва ли следует видеть указание на живое произношение. Как показатель отвердения шипящих *ъ* появляется после шипящих лишь в XIV—XV вв. Употребление *ъ* не может явиться в наших грамотах и показателем падения редуцированных, поскольку обозначение слабых редуцированных является в нашей грамоте таким последовательным. Неупорядоченной замены *к* на *ъ*, и наоборот, в грамоте также нет. При рассмотрении случаев замены *к* на *ъ* после шипящих следует опять-таки помнить, что, например, и в Остромировом евангелии—датированном памятнике XI в., еще не отражающем падения редуцированных, имеются примеры графической мены *к* — *ъ*, в том числе после шипящих: *къважыаге*, *важъ* и под., аналогичные встретившимся в грамоте № 109 написаниям: *къважъ*, *меужъ*, *нычътежъ*.

Известны факты подобного рода и в старославянском языке, приводимые И. И. Еленским в недавно защищенной кандидатской диссертации. Он пишет, что в некоторых памятниках старославянского письма отражается процесс лабиализации *к* после согласных, видимо, находившийся в различных стадиях. Так, в Саввиной книге лабиализация распространена широко и после многих согласных. В Маринском евангелии после *ч*, *ж*, *ш*, *жд*, *ц* решительно господствует *ъ*, а не *к*. Известны аналогичные примеры в Супрасльской рукописи. Изборник Святослава 1073 г. в котором отмечено около ста случаев после шипящих, по мнению И. И. Еленского, «сохраняет картину старославянского говора, знавшего лабиализацию, вероятно, на одной из начальных ступеней...»¹. Это колебание в графике в Изборнике 1073 г. автор приписывает последнему южнославянскому (нерусскому) переписчику памятника.

Бесспорно, что объяснение, возможное (хотя и здесь не единственное) для памятников канонического содержания, заведомо переписанных со старославянского языка не может удовлетворить нас, когда мы анализируем памятник живого русского языка. Однако нельзя не отметить, что в орфографии русских памятников, притом и древнейших, прослеживаются две тенденции, одна из которых связана с передачей мягкости шипящих на письме, а другая — с отказом от такой передачи. Количественно по памятникам как будто преобладает первая тенденция; особенно это относится к написаниям *жъ*, *чъ*, *шъ* и *цъ* и, в меньшей степени, к сочетаниям *жъ*, *чъ*, *шъ* и *цъ* (или с *ш*), действительно преобладающим над написаниями с последующим *а* или *у*. Однако достаточно широко применялся и другой прием — без обозначения мягкости, выражающийся в употреблении неотбитых букв после шипящих. В Остромировом евангелии известны оба типа написаний, в Новгородских Минеех второй даже преобладает.

Написание *хъчу*, представленное в берестяной грамоте № 109 наряду с примерами, где имеем замену *к* на *ъ* после шипящих, свидетельствует о том, что перед нами такой вариант письменности, когда *ш* не обозначает мягкости шипящих. Имеются немногочисленные примеры, отражающие такую систему письма и в других ранних берестяных грамотах: *гьръкъвъцу* — № 119 (XI в.); ср. также отмеченное Р. И. Аванесовым *шъчрна* — № 78² (XII или XIII в.), при преимущественном написании *ю* после шипящих и *ц*.

В грамоте № 109 не обозначена также мягкость *з*: *къважъ*. Если здесь не опечатка (такие случаи, как употребление *а* вместо *я* после мягких согласных, наблюдаются иногда и в современных малограмотных написаниях), а также не свидетельство о нерусском происхождении лица (так объяснил А. А. Шахматов подобные случаи, наблю-

¹ И. И. Еленский, Редуцированные гласные в Святославовом Изборнике 1073 года. Канд. дисс., М., 1955, стр. 59.

² См. Коллективная монография, статья Р. И. Аванесова, стр. 97

дающиеся в некоторых двинских грамотах¹), то можно считать, что в грамоте № 109 тенденция не обозначать мягкость распространяется не только на шипящие. Примеры типа *взѣтъ, всакъ, кѣлаза, кѣлазѣу* имеются также в Остромировом евангелии и пока что не объяснены². Таким образом, данные об употреблении редуцированных гласных в грамоте № 109 не дают повода говорить о смешении ѣ — к как отражении их падения, исчезновения из произношения. Имеющиеся в грамоте отступления известны и в других памятниках XI в. Скорее следует считать, что в грамоте отразилась определенная тенденция не обозначать мягкость шипящих. Употребление редуцированных в других, более поздних, берестяных грамотах носит совсем иной характер. Отклонения от простейших графических норм в некоторых из этих грамот столь велики и бессистемны, что легко объясняются крайней безграмотностью писцов. Такова, например, грамота № 82 (XII в.), в которой имеется и написание редуцированных вместо гласных полного образования, и замена одного редуцированного другим. Текст грамоты: *Ѡ твернира ко фѣлкѣ кланѣюса кратъ прихажѣо къ дѣверѣ: ежѣ ти приѣда върѣхъ да водати рѣ. . . ѣкъ ѣда шорниа и мѣо—а отъ ѣкъслѣси дѣскѣи. Не вызывает сомнения, что эта грамота написана в период после падения редуцированных, т. е. во всяком случае не раньше конца XI в. Такова и стратиграфическая датировка. Палеографические приметы в таких случаях не играют решающей роли, даже если вся совокупность их свидетельствует о более раннем времени³, ибо известно, что палеографические особенности нередко являются более консервативными.*

Разнообразие написаний, отражающих падение редуцированных, дают и другие более поздние грамоты, как, впрочем, и памятники пергаменной письменности соответствующих периодов. Примеров этимологически правильного написания ѣ, к в сильном положении почти нет. Пример *хрѣстьянсѣа жѣна* в грамоте № 70 (стратиграфически — XIII в.) не показатель, поскольку это собственное имя иноязычного происхождения, да и къ здесь является результатом контаминации со словом *крякъ*. В следующем за к слогом мы находим ѣ на месте старого слабого редуцированного и.

Грамоты XII, XIII и следующих веков (по стратиграфической датировке) отражают тот этап в истории русской письменности, когда редуцированные уже и исчезли, а новые отношения еще не нашли устойчивого отражения на письме. В этот период возможны и такие написания, как *о вѣско* вместо *о вѣсьма*, *пѣстрѣтънадѣсѣто* вместо *пѣстрѣтънадѣсѣтъ* — № 61 (*дѣсѣтъ* представляет собой редуцированную форму от *дѣсѣтъ* в составе сложного числительного), *дѣспѣко* вместо *дѣспѣкъ* — № 68, *торѣтънати* вместо *тѣрѣговѣти* — № 55, *дѣмѣанѣко* вместо *дѣмѣанѣко* — № 72, где знаки ѣ — к употребляются для обозначения этимологических гласных полного образования и наоборот. Такие написания долгие держатся (в отличие от пергаменной письменности) в берестяных грамотах. Ср. *ортѣмѣка* — № 97 (стратиграфически — XV в.).

Грамоты XIII, XIV и XV вв. дают большое количество случаев написания ѣ на месте слабого конечного ѣ, который фонетически должен был исчезнуть: *дѣспѣко, ѣстѣвѣно, сѣно* — № 68; *поклоно* — №№ 59, 65, 67, 98; *приказѣо* — № 134; *сѣно* — № 72; *ко дѣверѣ* — № 82; *зъ гѣстоѣмо, пудѣско, ѣ вѣско, пѣстрѣтънадѣсѣто* — № 61; *ѣво* — № 59; *со сѣнѣмо* — № 45; *къ вѣско*, *за сѣксѣандроѣмо*, а также *ѣдоки* вместо *ѣдоки* — № 50. Употребление ѣ вместо ѣ слабого, а также ѣ вместо к (*ѣдѣксѣ* — № 19; *кѣтѣ* — вин. падеж ед. числа — № 136; *сѣмѣ* — № 32; ср. *сѣмѣ* в этой же грамоте), широко известное в русских памятниках различных земель после падения редуцированных, свидетельствует о ломке старых графических норм и об отсутствии или о недостаточной устойчивости новых. В берестяных грамотах — письмах простых людей — число таких ошибок велико.

Чертой, отмечаемой только в новгородских памятниках, является замена конечного ѣ на ѣ в определенных грамматических категориях, а именно — в им. падеже существительных мужского рода старого склонения с основой на -ѣ и в причастии муж. рода ед. числа на а. Эта черта имеет место и в берестяных грамотах, начиная от самых ранних вплоть до XV — XVI вв., что уже отмечалось в прежних публикациях. В изучаемых грамотах находим, с одной стороны, такие примеры, как *пѣзѣдѣтъ тѣе сѣа а* — № 14; *хѣдѣдѣкъ бѣспѣдѣну* — № 22; *кѣупѣнѣкъ сѣн рѣку*, не *вѣздѣвъ кѣупѣнѣ* — № 109 и ряд примеров правильного употребления ѣ в им. падеже ед. числа муж. рода. Но, с другой стороны, имеются и примеры: *Ѡ сѣмѣкъа къ кѣупѣдѣтъкѣ оѣто тѣо сѣн казѣли несѣдѣтъ вѣкъ [ричѣ] тѣхѣдѣкъа коѣн тѣо сѣн прихѣдѣли в рѣскѣ. . . вѣздѣли ѣрѣмѣнѣ лѣзѣкъѣ приѣслаѣвѣкъ* — № 105⁴; *вѣздѣли сѣмѣ гѣрѣтъгѣнѣцу* — № 119; *ѣдѣксѣандрѣ дѣдѣ, вѣдѣксѣ* — № 50; *како ли ты вѣнѣдѣса како ли что дѣдѣ сѣн рѣсѣкъ. . .* — № 30; *сѣмѣ Ѡпѣрѣвѣксѣтъ да пѣдѣдѣ, а ѣдѣксѣ ѣдѣксѣ* — № 19; *падѣ* — № 20; *поклоно Ѡсѣмѣшка фѣми цѣ ѣстѣвѣнѣ. . .* — № 11; *кѣупѣдѣ* — № 32.

¹ См. А. А. Шахматов, Исследование о Двинских грамотах XV в., СПб., 1903, стр. 96.

² Ср. М. Колосов, Очерк истории звуков и форм русского языка, Варшава, 1882, стр. 65.

³ Ср. А. В. Арциховский, Новгородские грамоты на бересте, стр. 81.

⁴ В слове *приѣслаѣвѣкъ* после в и в слове *рѣсѣкъ* читаем к, а не ѣ, исходя из большего сходства в написаниях этих букв с к, имеющимися в грамоте, чем с ѣ.

Данное явление давно известно по новгородским памятникам. Еще в трудах Соболевского, Потехни, Ляпунова, Ягича, Шахматова при объяснении этого явления намечались как фонетическая, так и морфологическая точки зрения.

Не вдаваясь здесь в рассмотрение истории разработки указанного вопроса, отметим, что круг примеров с *ѣ* вместо *ъ* в окончаниях не ограничивается причастиями на *а*, по отношению к которым В. И. Борковский выдвинул гипотезу о появлении здесь гласного переднего ряда под влиянием предшествующего среднего *l*, действительно встречающегося в новгородских говорах¹. Если даже принять, что появление *ѣ* связано с влиянием *l* среднего, то трудно предположить непосредственный фонетический переход *ъ* в *е*. Если же *е* появилось здесь как вторичное (*ъ* > *ь* > *е*), то для доказательства предположения необходимо было бы иметь примеры, отражающие переходную стадию с *ь*. Однако единственный пример *видьаь* в грамоте № 23 является, вероятнее всего, результатом графической замены *ъ* на *к* или *ѣ* на *к*², на что указывают имеющиеся в той же грамоте примеры с *оакъси* (= с *оаксой*), *шпединь* (= *господинь*, зват. форма), *нѣ много* (= *не много*), *лантканксемь*, (= с *лѣ*). Грамота знает и другие замены для редуцированных: *вскань* (= *вскань*), *было юсми* (= *была*), *разданаю* (= *раздана*), с *гафанкѣмо* (= с *гафанкѣмо* или *гафанкѣ*).

В исследуемых нами грамотах нет ни одного примера с *ак* в причастии, тогда как *ак* — обычное явление, имеющее место даже в грамотах XI — XII вв. (№№ 119 и 105). Непонятным остается, при предположении *l* среднего, и отсутствие *ѣ* после *а* в других категориях, т. е. не в причастиях, хотя, действительно, соответствующих примеров пока имеем мало. Ср. *пеластрѣаь* — № 45, *пеластрѣаь* — № 61, *секъ аь* — № 54.

Между тем диалектные данные свидетельствуют, как это отмечает в В. И. Борковский, что распространение среднего *l* не ограничивается причастиями на *а*. С другой стороны, грамоты новых публикаций представляют, как указывают примеры, *ѣ* вместо *ъ* не только после *а* и не только в указанной грамматической категории, но также широко в им. падеже ед. числа слов мужского рода после различных согласных: *к*, *р*, *с*, *г*, *н*. Ср. в грамотах ранних публикаций: № 7 *сероке* (в толковании Жуковской³), № 25 *вѣкѣци* и с *кѣ пседаь сажань*.

Как нам кажется, при рассмотрении данного вопроса (разрешение которого, видимо, должно явиться предметом специального исследования) все же следует иметь в виду, что окончание *ѣ* чаще всего встречается параллельно в причастии на *а* и в им. падеже существительных мужского рода на *ѣ*: *оаксандре*, *дале*, *вслесе* — № 50; *фѣнке*, *седе*, *купилѣ* — № 32; *лазѣнке*, *вѣде* — № 105. Ср. также в грамоте № 25: *далѣ* и *вѣкѣци*; с *секе пседаь сажань*. Самый ранний известный по пергаменной письменности пример *вѣдаь* встречается рядом с существительным *Варлаамъ* (вкладная грамота Варлаам Хутыньскому монастырю 1192 г.). Думается, что это не случайное совпадение примеров.

Как видно, берестяные грамоты не дают по вопросу об употреблении *ѣ* вместо *ъ* ранее не известных науке фактов. Ценность нового материала — в том, что он подтверждает мнение о принадлежности этого явления живому новгородскому говору, а также в том, что этот материал дает примеры более древние, чем примеры из памятников пергаменной письменности.

В берестяных грамотах позднего находок имеются некоторые новые данные относительно употребления *ѣ*. Напомним характеристичные этого употребления в работе о ранее найденных грамотах. «Данные о *ѣ* новгородских берестяных грамот, как и других новгородских памятников, свидетельствуют о различии *ѣ* как особой фонемы и об изменении *ѣ* в *і* перед мягкими согласными в более поздний период (по данным берестяных грамот в XV в.). При этом нет заметных указаний на различия в судьбе этимологического *ѣ* в ударенном и безударных слогах. Подобные различия, характерные в той или иной степени для современных северновеликорусских говоров, в прошлом могли отсутствовать»⁴.

В новом материале, при преобладающем количестве примеров, свидетельствующих о сохранении *ѣ* как особой фонемы, в самых ранних грамотах находим случаи употребления и вместо *ѣ*. Так, в грамоте № 105 правильно употреблен *ѣ* в четырех словах: в заударных слогах во флексии существительных *кѣ керутѣкѣ*, *нѣсѣдѣ* в словах *вѣверѣкѣ*, *дѣлаь*. В случае *вѣрѣсѣвѣкѣ* укажем *ѣ* на месте и в заударном слоге, наконец, и вместо *ѣ* в слове *тихѣ*. Взаимное смещение букв и — *ѣ* в двух приведенных случаях может объясняться или морфологически, или свидетельствовать о том, что *ѣ* (узкий, напряженный звук) был близок по звучанию к *и*.

Отметим далее примеры замены *ѣ* > *и* в грамоте № 59 (стратиграфически — рубеж XIII — XIV вв.): *кѣ тѣи*, *ко секи*, а также *нѣ наденѣ* — № 44, *нѣ керѣи* — № 32 (XIV в.), из которых два первых примера в большей степени можно истолковать

¹ См. В. И. Борковский, Новые находки берестяных грамот, стр. 130—131.

² См. Коллективная монография, статья Р. И. Аванесова, стр. 85—86.

³ См. Коллективная монография, стр. 49.

⁴ Коллективная монография, статья Р. И. Аванесова, стр. 87—88.

фонетически. Примеры, встретившиеся в той части изучаемых грамот, которая относится к XIV в. (в основном, в формах дательного — предложного падежей существительного), в большей степени подлежат морфологическому объяснению.

Сравнительно велико количество примеров с написаниями *ε* на месте этимологического *ʒ* в изучаемых грамотах. Однако, как нам кажется, о звуковой близости *ʒ* и *ε* в соответствующих говорах на основании случаев подобной мены можно говорить лишь при наличии взаимной мены *ʑ* и *ε* и употреблении той и другой буквы в одних и тех же морфемах, как это, например, имеет место в некоторых грамотах XIII в.: *кыд*, *ко лы*, *ѣ Фемниѣ жени* — № 55. Осторожнее следует отнестись к показателям грамоты № 92; здесь лишь в одном слове *ʑ* употреблен этимологически верно: на *спѣхъѣ*; в остальных восьми случаях вместо *ʑ* находим *ε* (семь раз в именах существительных собственных в пред. падеже в заударном слоге и в слове *кѣм*). В грамоте № 109 четыре раза (если *кѣн* — вин. падеж мн. числа) вместо *ʑ* находим *ε*: *къ микоуѣ*, *пласкѣ*, *кѣн*, *тѣхъ* при полном отсутствии употребления буквы *ʑ* в тексте. Примеры, подобные тем, которые приведены из грамот № 92 и 109, могут и не свидетельствовать о неразличении фонем *ʑ* и *ε* в произношении. Как справедливо указывает Р. И. Аванесов, в грамоте № 78 (XIII в.) написание *ε* вместо *ʑ* в *коже* только потому свидетельствует о произношении *ʑ* как *ε*, что оно поддержано так называемым «обратным написанием» *ʑ* вместо *ε*: *одноу на десятѣ*¹.

Так как в грамотах №№ 92 и 109 нет примеров обратной замены *ε* на *ʑ*, а в грамоте № 109 нет и слов с правильным употреблением *ʑ* на месте этимологического *ʒ*, односторонняя замена (т. е. употребление *ε* во всех случаях, где должен быть *ʑ*) сама по себе еще не говорит о совпадении *ʑ* и *ε*. По данным новгородских памятников, в наибольшей степени прослеживается наличие особой фонемы *ʒ*, наиболее определенно отличающейся от *ε*. Отдельные случаи написаний *ε* вместо *ʑ* (при отсутствии *ʑ* вместо *ε*) могут быть объяснены описками, особой манерой передачи старославянского *ʑ* и т. д. Почти нет пергаменных памятников без подобного рода графических отступлений, которые, однако, не колеблют представлений ни о наличии *ʒ* как особой фонемы, ни о датировке памятников.

Написание *ʑ* на месте этимологического *ε* вообще не характерно для берестяных грамот; факты этого рода единичны и ограничены особыми случаями. Таково употребление в заимствованном названии ткани в грамоте № 125 (XIV — XV вв.): *купимъ зѣкиданцю дѣвцу*. Слово *зѣндык*, означающее род ткани, весьма часто встречается в русских документах XV, XVI, XVIII вв. Среди примеров в картотеке древнерусского словаря АН СССР нет ни одного с *ʑ* после *з*, но только с *ε*. Ср. также и написание *ѣгѣкина* (№ 62) с *ʑ* вместо *ε*, опять-таки в заимствованном слове. Грамота № 109, представляя одностороннюю мену *ʑ* на *ε* и *ʑ* на *ε*, менее всего дает оснований для суждения о живом произношении.

Материал берестяных грамот подтверждает данные о наличии в новгородском говоре мягкого чоканья — этимологические *ц* и *ч* передаются через *ц* с соответствующим гласным, указывающим на мягкость *ц* после него, например: *сницѣѣрѣвицю* — № 94; *полещѣквѣтънаѣца* — № 45; *се докънѣаху* — № 136. Этимологически правильное употребление *ч* находим лишь в нескольких грамотах XIV — XV вв.: *чѣ* — №№ 30 (дважды), 61; *чѣдѣ* — № 125; *чѣдомѣ* — № 97; другие примеры с аффрикатами в этих грамотах отсутствуют.

Материал ранних грамот относительно *ц — ч* нуждается в специальном рассмотрении. В грамоте № 105 находим *ѣквиричъ* вместо ожидаемого *ѣквирици*. Одного примера недостаточно для того, чтобы говорить о наличии в говоре чоканья, т. е. произношения *ч* вместо *ц*, но вполне достаточно для утверждения о неразличении фонем *ц* и *ч*. Писец, употребивший на письме *ч* вместо *ц*, не мог быть киевлянином или перяславцем, как предполагает А. В. Арциховский². В грамоте № 119 наряду с сохранением *ч* находим *ц* вместо *ч*; примеров с аффрикатами всего два: *прѣчъ*, *гюрѣвищцѣ*, причем в последнем примере отсутствует указание на мягкость *ч*.

Стратиграфически самые ранние грамоты — №№ 9 (из раскопки 1951 г.) и 109 указывают на различие *ц* и *ч*. В грамоте № 9 имеется один пример с этимологическим *ц* (*стыцѣ*), один — с этимологическим *ч* (*ничѣтежѣ*). Скучность материала в данной грамоте не позволяет сделать решительный вывод. Объясняется ли правильное употребление букв *ц* и *ч* грамотностью писца или различием в соответствующем говоре новгородского диалекта звуков *ч* и *ц* (последнее в особенности для XI — XII вв. вполне допустимо) — эти вопросы оставляем открытыми³.

В грамоте № 109 имеется четыре примера с этимологическим *ч*; во всех четырех случаях правильно написано *ч*: *перѣчила*, *ничѣтежѣ*, *хѣчѣу*, *аѣчѣ*. Примеров на употребление *ц* нет. Как и для грамоты № 9, вопрос о причине правильного употребления

¹ См. Коллективная монография, стр. 90—91.

² А. В. Арциховский, Раскопки 1953 года в Новгороде, стр. 109.

³ Коллективная монография, статья Р. И. Аванесова, стр. 96.

ц и ч остается открытым: неясно, отражена ли в данном случае грамотность писца или особенность его говора. Отсутствие указаний на цоканье может служить дополнительным аргументом, подтверждающим, что грамота относится к XI в. Цоканье возникало в новгородских говорах не ранее X в.¹ и, разумеется, распространялось по отдельным говорам не сразу. Чем древнее тот или иной новгородский памятник, тем более допустимо, что он отражает говор, еще не знавший цоканья. Вполне возможно, что писец грамоты № 169 являлся представителем такого говора, который ко времени написания грамоты еще не был цоканящим.

Берестяные грамоты дают материал также для характеристики морфологической стороны новгородских говоров XI—XV вв., в общем подтверждающий наши сведения по исторической морфологии русского языка; поэтому соответствующие данные не будут специально рассматриваться в нашей работе².

*

В настоящей статье мы не ставили перед собой задачу — исчерпать материал по палеографии и фонетике берестяных грамот находок 1952, 1953, 1954 гг., а остановились лишь на некоторых особенностях, представляющих, как нам кажется, наибольший интерес. Берестяные грамоты последних находок, как и ранее найденные, в целом не представляют резких отличий от ранее известных новгородских памятников и не обнаруживают каких-либо явлений, неизвестных науке. Отличия касаются главным образом лишь датировки отдельных явлений и дают иногда новые представления о распространении тех или иных приемов письма, тех или иных фактов языка.

Наибольшее количество вопросов вызывают показания самой ранней грамоты из числа найденных за последние годы, а именно — грамоты № 169. Как мы пытались показать выше, особенности указанной грамоты (постоянное употребление ж вместо к и к вместо ж) известны и другим памятникам XI в., по отношению к которым эти особенности никогда не рассматривались как указывающие на живое произношение. Лишь сосредоточение этих особенностей в небольшом по объему тексте грамоты как бы выделяет ее при первоначальном ознакомлении из числа других памятников XI в. С другой стороны, последовательное сохранение редуцированных в слабой позиции и отсутствие указаний на цоканье, как и некоторые палеографические особенности позволяют подтвердить датировку грамоты по стратиграфическим данным.

¹ См. В. Г. Орлова, История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. Автореф. докт. дисс., М., 1955, стр. 31.

² Ср. использование данных по морфологии берестяных грамот в некоторых диссертациях: Т. А. Якубайтис, История окончания дательного единственного мужского рода *-ови* в восточнославянских языках. Канд. дисс., М., 1954; Г. А. Яковлева, Формы склонения существительных в новгородских письменных памятниках делового стиля XVI века. Автореф. канд. дисс., М., 1955.